

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-195-199

Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,

профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент,

e-mail: viktor_shestak@mail.ru

СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуются современные доктринальные подходы о соразмерности назначения наказания в виде смертной казни за преступления, связанные с наркотиками. Анализируется необходимость сочетания защиты прав человека при совершении наркопреступлений и реализации национальной антинаркотической политики. Автор приходит к выводу о формировании глобального транзита от репрессивной парадигмы к модели восстановительного правосудия при сохранении дуализма в подходах к смертной казни и обязательным минимумам наказания как продолжающейся фрагментации международного правового пространства в вопросах наркополитики.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, права человека, смертная казнь, соразмерность наказания.

SHESTAK Viktor A.,

Professor of the Criminology Department of the A. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Juridical Science, Associate Professor

THE PROPORTIONALITY OF THE DEATH PENALTY FOR DRUG OFFENSES

Annotation. The article examines modern doctrinal approaches on the proportionality of the death penalty for drug-related crimes. The article analyzes the need to combine the protection of human rights when committing drug crimes and the implementation of a national anti-drug policy. The author comes to the conclusion about the formation of a global transit from the repressive paradigm to the restorative justice model while maintaining dualism in approaches to the death penalty and mandatory minimum sentences as a continuing fragmentation of the international legal space in drug policy issues.

Key words: drug trafficking, human rights, death penalty, proportionality of punishment.

В современной доктрине уголовного права деликты, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, а также наркосодержащих растений или их компонентов, квалифицируются как многообъектные преступления, посягающие, прежде всего, на здоровье населения и общественную нравственность. Объективную сторону данных составов преступлений образует совокупность противоправных действий, нарушающих установленный законом специальный порядок (режим) оборота указанных субстанций. Такие деяния характеризуются бланкетностью диспозиций, что требует постоянного соотнесения норм уголовного закона с нормативно-правовыми актами исполнительной власти, регулируемыми легальный оборот медицинских и химических препаратов [1].

При этом существующая архитектура международного контроля над наркотиками, базирующаяся на Конвенциях ООН 1961, 1971 и 1988 годов, зачастую, подвергается ложной интерпретации как исключительно карательный инструмент. Однако при детальном экзегетическом анализе текстов данных соглашений обнаруживается отсутствие императивного требования о криминализации аддиктивного поведения как такового. По нашему мнению, напротив, конвенции содержат эксплицитные положения, детерминирующие возможность применения альтернативных санкций за деликты, связанные с личным потреблением, включая приобретение и культивирование без цели сбыта.

Правовая доктрина, интерпретируя названные нормы, выделяет концепцию «правонарушений незначительного характера».

В отношении данной категории деяний государствам-участникам рекомендуется имплементировать механизмы депенализации, замещая меры уголовной репрессии стратегиями ресоциализации, образовательными программами и мерами медицинской реабилитации. Конвенциональный режим признает необходимость многоуровневой дифференциации ответственности, основанной на разграничении между общественно опасным деянием (сбытом) и актом самоповреждения (потреблением), учитывая номенклатуру веществ, их фармакологическую валентность и потенциальный терапевтический индекс. А наиболее острое противоречие в современной юриспруденции пролегает по линии применения смертной казни за преступления, сопряженные с незаконным оборотом наркотических средств.

Также существует и фундаментальное расхождение между позициями правозащитных институций ООН и национальной практикой ряда суверенных государств. Так, во-первых, Комитет ООН по правам человека, основываясь на телеологическом толковании статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП), предполагает, что наркопреступления не релевантны категории «особо тяжких преступлений». Согласно такой позиции, высшая мера наказания допустима исключительно в случаях умышленного лишения жизни (англ. – intent to kill – прим. автора), а экспертные доклады свидетельствуют, что преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств не обладают той степенью моральной и правовой тяжести, которая могла бы оправдать последнее [2]. Во-вторых, это существующая позиция государств-ретентционистов: в противовес вышеназванной позиции, ряд стран (преимущественно регионов Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока) апеллирует к концепции «наркотерроризма» и масштабного вреда национальной безопасности. С этой точки зрения, крупнооптовая торговля наркотиками рассматривается как латентное массовое убийство, что, по мнению законодателей данных стран, легитимизирует применение смертной казни в качестве средства генеральной превенции. В этой связи, несмотря на призывы Международного комитета по контролю над наркотиками (далее – МККН) к гуманизации законодательства, по состоянию на начало 2020-х годов более тридцати юрисдикций сохраняют смертную казнь в своих санкционных перечнях, причем в ряде случаев она носит характер обязательного наказания [8], что исключает возможность судебного усмотрения и учета индивидуальных обстоятельств дела.

Вместе с тем, несмотря на десятилетия применения чрезмерно суровых наказаний за наркопреступления, нет никаких доказательств их эффективности в качестве сдерживающего фактора для незаконного употребления, культивирования, изготовления и оборота наркотиков. Более того, в последовательных глобальных отчетах Управления ООН по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН) содержатся данные, свидетельствующие преимущественно о расширении и диверсификации наркопреступлений во всех регионах мира [2]. Это свидетельствует о том, что наркополитика, предусматривающая применение суровых наказаний, не только не достигла своей цели по сдерживанию деятельности, связанной с наркотиками, но и привела к пагубным последствиям для общественного здоровья, безопасности человека и развития общества. В частности, большинство лиц, приговоренных к самым строгим наказаниям за наркопреступления, включая смертную казнь, не играли серьезной роли в операциях по незаконному обороту наркотиков [3]. Следовательно, значительные ресурсы уголовного правосудия (включая полицию, прокуратуру, судей, места временной изоляции и исправительную систему) тратятся на арест и содержание правонарушителей низкого уровня.

При этом в современной юридической повестке множества стран доминирует принцип пропорциональности наказания (принцип соразмерности (англ. – proportionality – прим. автора) как детерминанта справедливости уголовного судопроизводства). Пропорциональность – это международно-признанный правовой принцип, применимый к реакции правительства на действия, причиняющие вред другим людям. Он требует, чтобы суровость любого назначенного наказания измерялась в соответствии с вредом, причиненным действиями правонарушителя, а также с учетом его вины и обстоятельств. Международные документы по правам человека, предупреждению преступности и уголовному правосудию способствуют установлению стандартов соразмерности. К примеру, статья 29(2) Всеобщей декларации прав человека определяет, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [4]. Международный пакт о гражданских и политических правах защищает многие права,

имеющие отношение к назначению наказания за преступления, связанные с наркотиками, в частности, права на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и неприкосновенность частной жизни.

В рамках толкования применения названного Пакта Комитет по правам человека установил, что если государство принимает меры по ограничению права, защищаемого договором, оно должно «доказать необходимость ограничения и принимать только такие меры, которые соразмерны достижению законных целей для обеспечения непрерывной и эффективной защиты прав, закрепленных в Пакте» [5]. При этом меры по ограничению прав, защищаемых Пактом, должны быть наименее интрузивными – необходимыми для достижения законной цели. В этой связи соразмерная система наказаний за преступления, связанными с наркотиками, по-нашему мнению, должна быть направлена, в первую очередь, на лиц, играющих высокопоставленные роли в операциях по поставке наркотиков и наносящих наибольший вред обществу, в частности, насилием и контролем над организованной преступной деятельностью. Такая система назначения наказаний также должна быть направлена на достижение улучшенных результатов в области развития, здравоохранения и безопасности человека, а также защиты прав человека.

Данная концепция предполагает отказ от формального подхода, опирающегося исключительно на массу изъятого вещества, в пользу комплексной оценки объективной и субъективной сторон преступления [9]. Такая система соразмерных санкций в современном праве базируется на следующих критериях: степень виновности (разграничение между эпизодическим посредничеством, совершаемым в силу тяжелых жизненных обстоятельств, и профессиональным участием в транснациональных преступных синдикатах); вредоносность деяния (оценка реального ущерба, нанесенного общественному здоровью, с учетом специфики психоактивного воздействия конкретного субстрата); системная когерентность (требование, согласно которому наказание за ненасильственное наркопреступление не должно превышать санкции за тяжкие насильственные преступления против личности, что является залогом внутренней непротиворечивости правовой системы).

Тем не менее, международно-правовые принципы соразмерности редко применяются при назначении наказания за наркопреступления, что объясняется политически мотивированным развитием международной системы контроля над наркотиками в последние несколько

десятилетий, отдающим предпочтение чрезмерно суровым мерам в отношении контролируемых веществ. В частности, Конвенции ООН по контролю над наркотиками содержат формулировки, подчеркивающие серьезность мировой проблемы наркотиков, что приводит к обоснованию применения непропорционально суровых санкций за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Так, в преамбуле Конвенции 1961 года утверждается, что «зависимость от наркотических средств может нанести серьезный вред человеку и чревата социальной и экономической опасностью для человечества» [6]. При этом заявленной целью каждой из конвенций ООН по наркотикам является обеспечение «здоровья и благосостояния человечества» путем ограничения немедицинского использования контролируемых веществ при одновременном обеспечении их доступности для медицинских целей [7].

В современных условиях доминирующая в ряде суверенных юрисдикций карательная модель уголовной политики привела к формированию системного кризиса пропорциональности при назначении уголовных наказаний. Стремясь реализовать превентивную функцию уголовного закона посредством жесткого государственного принуждения, многие государства установили санкции, несоизмеримые реальной общественной опасности совершаемых деяний. В частности, ненасильственные преступления, сопряженные с транзакциями контролируемых веществ в незначительных объемах (включая розничный сбыт, мелкомасштабное культивирование или трансграничную транспортировку на низовом уровне исполнителей), нередко наказываются лишением свободы на сроки, сопоставимые или даже превышающие санкции за умышленные насильственные посягательства на жизнь, здоровье и половую неприкосновенность личности.

Такой подход нарушает аксиологическую (ценностную) иерархию правовых благ, охраняемых уголовным законом, при которой жизнь и телесная целостность человека должны обладать безусловным приоритетом перед государственными интересами по контролю над рынком химических веществ. А эмпирические данные, аккумулируемые на протяжении последних десятилетий, в том числе отраженные в регулярных глобальных докладах Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), дезавуируют доктрину «жесткого сдерживания» (deterrence theory) в сфере наркополитики. Сверхстрогие меры наказания не демонстрируют статистически значимой корреляции со снижением уровня наркотизации общества,

объемов культивирования сырья или масштабов нелегального трафика. Напротив, криминальный рынок демонстрирует высокую экономическую эластичность, адаптируясь к репрессивным мерам путем диверсификации логистических путей, внедрения новых синтетических аналогов и цифровизации каналов дистрибуции [8].

Кроме того, с позиции криминологической науки карательная экспансия государства влечет за собой ряд деструктивных последствий. Во-первых, это дисфункция правоохранительного ресурса. Основной массив репрессивного аппарата (органы дознания, следствия, прокуратуры и судов) расходуется на выявление, преследование и изоляцию мелких исполнителей («курьеров», «закладчиков» и потребителей), выполняющих сугубо технические функции. Обладая высокой заменяемостью в структуре наркобизнеса, эти лица оперативно замещаются новыми рекрутами, в то время как ключевые бенефициары и организаторы транснациональных преступных синдикатов остаются вне зоны досягаемости правосудия. Во-вторых, иррациональное расходование бюджетных средств, когда содержание избыточного контингента осужденных за ненасильственные наркопреступления в пенитенциарных учреждениях ложится бременем на государственные финансы, отвлекая материальные ресурсы от финансирования программ общественного здравоохранения, снижения вреда и первичной профилактики зависимости. В-третьих, это девиация приоритетов уголовного преследования, поскольку концентрация правоохранительных органов на легко выявляемых, формальных составах наркопреступлений снижает эффективность борьбы с латентными и куда более опасными угрозами национальной и человеческой безопасности — системной коррупцией, отмыванием преступных доходов, легализацией теневых капиталов и организованным насилием.

Вместе с тем принцип соразмерности (пропорциональности) является фундаментальным общеправовым императивом, признанным международным сообществом. В контексте государственного принуждения данный принцип требует, чтобы глубина вмешательства в права личности и строгость уголовной репрессии были строго адекватны характеру совершенного деяния, степени виновности лица и масштабу причиненного им вреда.

На основе проведенного доктринального и сравнительно-правового анализа полагаем возможным сформулировать следующие выводы. Так, во-первых, формируется понимание несостоятельности карательной парадигмы: исторический опыт и актуальная международная

статистика доказывают неэффективность стратегии жесткой криминализации и сверхстрогого наказания мелких наркопреступников в качестве инструмента сдерживания наркорынка., поскольку такая модель не решает проблему наркопотребления, а лишь переводит её в латентную плоскость, мультиплицируя сопутствующие криминальные и социальные риски.. Во-вторых, полагаем, возникает необходимость реформирования структуры наказаний путем проведения национальными законодателями ревизии санкций за преступления, связанные с наркотиками, с целью их приведения в соответствие с аксиологической шкалой ценностей уголовного права, поскольку наказания за ненасильственные деяния в этой сфере не должны конкурировать по строгости с мерами ответственности за преступления против личности. В-третьих, рационализация уголовной политики требует перераспределение правоохранительного потенциала – смещения фокуса внимания правоохранительной и судебной систем с преследования потребителей и низшего звена (наркокурьеров) на подрыв финансово-организационных основ транснациональной наркопреступности (борьба с отмыванием денег, коррупционными связями и трансграничными каналами поставок). В-четвертых, формируется приоритет альтернативных мер медицинского характера: в отношении лиц, страдающих наркотической зависимостью и совершивших правонарушения незначительного характера, уголовное наказание систематически замещается мерами принудительного или добровольного лечения, реабилитации и социальной реинтеграции, что полностью отвечает принципам гуманизма и соразмерности правового воздействия.

Список литературы:

- [1] Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. 2013. № 1. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 25.05.2026).
- [2] Reforma Constitucional Introducida Al Artículo 49 De La Constitucion Politica-No requería la realización de consulta previa a las comunidades indígenas. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2025/C-882-11.htm> (дата обращения: 25.05.2026).
- [3] IDPC Drug Policy Guide 3rd Edition. [Электронный ресурс] // URL: http://fileserver.idpc.net/library/IDPC-drug-policy-guide_3-edition_FINAL.pdf (дата обращения: 25.05.2026).
- [4] Всеобщая декларация прав человека 1948г.// Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 1999. – С.39-43.

[5] Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/?ysclid=mqfo33gawj156277275 (дата обращения: 25.05.2026).

[6] Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 г. [Электронный ресурс] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/?ysclid=mqfnupamo4549316587 (дата обращения: 25.05.2026).

[7] Комментарии к Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 г. — Нью-Йорк, 1999. — 411 с.

[8] Death penalty in 2025: Facts and figures. [Электронный ресурс] // Amnesty International. — URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2026/04/death-penalty-in-2026-facts-and-figures/> (дата обращения: 25.05.2026).

[9] Harris G. Conviction by Numbers Threshold Quantities for Drug Policy // Series on Legislative Reform of Drug Policies Nr. 14. — 2011. Pp.15-48.

References:

[1] Fedorov A.V. Drug criminology as one of the areas of criminology//Drug control. 2013. № 1. [Electronic resource]//URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (access date: 25.05.2026).

[2] Reforma Constitucional Introducida Al Artículo 49 De La Constitucion Politica-No requería la realización de consulta previa a las comunidades

indígenas. [Electronic resource]//URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2025/C-882-11.htm> (access date: 25.05.2026).

[3] IDPC Drug Policy Guide 3rd Edition. [Electronic resource]//URL: http://filesserver.idpc.net/library/IDPC-drug-policy-guide_3-edition_FINAL.pdf (access date: 25.05.2026).

[4] Universal Declaration of Human Rights 1948//International Human Rights Instruments. Collection of documents. M., 1999. - S.39-43.

[5] International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted by 16.12.1966 Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly). [Electronic resource]//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/?ysclid=mqfo33gawj156277275 (access date: 25.05.2026).

[6] Single Convention on Narcotic Drugs, 1961, as amended by the 1972 Protocol Amending the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 [Electronic Resource]// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/?ysclid=mqfnupamo4549316587 (accessed: 25.05.2026).

[7] Comments on the 1961 United Nations Convention on Narcotic Drugs - New York, 1999. - 411 s.

[8] Death penalty in 2025: Facts and figures. [Electronic resource]//Amnesty International. - URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2026/04/death-penalty-in-2026-facts-and-figures/> (access date: 25.05.2026).

[9] Harris G. Conviction by Numbers Threshold Quantities for Drug Policy // Series on Legislative Reform of Drug Policies Nr. 14. — 2011. Pp.15-48.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.